

2207
КАЖДЫЙ крупный писательский юбилей мы привыкли рассматривать и как дань уважения мастеру, одарившему нас замечательными книгами, и как стимул для более интенсивного освоения уроков его жизни и творчества, использования созданных им образов в наших сегодняшних духовных исканиях. И, право же, как-то неловко напоминать о том, что статьи и книги такого рода должны прежде всего отвечать требованиям фактической достоверности.

В свое время мне уже приходилось выступать в печати с критикой различного рода неточностей и ошибок в публикациях о замечательном советском писателе А. Толстом. Теперь, в год столетнего юбилея со дня рождения А. Толстого, приходится с огорчением констатировать: путаница продолжается.

В газете «Горьковский рабочий» была опубликована статья Г. Петросяна, — обозревателя АПН, под названием «Классик советской литературы». В ней говорится о том, что, не поняв Октябрьскую революцию, А. Толстой с 1918 года находился в эмиграции. Даже в юбилейных публикациях нет нужды умышленно ошибаться. А в марте 1919 года А. Толстой еще находился в процессе мучительных размышлений, всматривался в жизнь, пытаясь разобраться в происходящем, и даже сотрудничал в Москинокомитете, где ре-

шающую роль играли такие революционные художники, как Мейерхольд, Дзига Вертов и другие.

Говоря о разрыве с эмиграцией, Г. Петросян пишет: «Перед отъездом (на родину. — В. Б.) он опубликовал «Открытое письмо Н. Чайковскому...» (у А. Толстого — Н. В. Чайковскому). Но что значит в данном контексте «перед»? Письмо было опубликовано 14 апреля 1922 года, а вернулся писатель в Советскую Россию 1 августа 1923 года. Между этими датами, которые разделяют пятнадцать месяцев, пролегает целая полоса активной литературной и общественной деятельности, прямого сотрудничества с большевиками. Только один факт: именно в это время в Германии написана и в Советской России опубликована «Аэлита». (И опять — в который раз! — в школьном учебнике «Русская советская литература», изданном в 1983 году под редакцией профессора В. А. Ковалева, утверждается, что роман напечатан после возвращения писателя из-за границы.)

Замечу попутно, что неточность в датировке возвращения писателя на родину вкралась и на страницы столь солидного научного издания, как «Литературное наследство», т. 93 — здесь говорится, что возвращение произошло в конце апреля 1923 года.

Но обратимся вновь к статье Г. Петросяна. Мягко говоря, несколько неожиданно выглядит в ней сближение двух разных этапов творче-

ской биографии писателя. «Первые стихи А. Толстого... обратили на себя внимание «отца русского символизма» поэта Валерия Брюсова. Первые рассказы удостоились высокой оценки Максима Горького». Можно подумать, что и тот, и другой факт имел примерно одинаковое значение для А. Толстого, для формирования его как художника. Но по своему значению они совершенно несопоставимы. Многочисленные восторженные отзывы Горького по поводу первых прозаических опытов А. Толстого упрочивали молодого писателя на позициях реализма и способствовали окончательному освобождению от влияния символистской эстетики.

В газете «Неделя» (№ 1, 1983) опубликована статья Л. Корнешева «Русский характер». Говоря о бурных годах революции и напомнив слова А. Толстого о том, что даже в самые трудные времена «бездействие равно преступлению», автор пишет далее: «Его действием был писательский труд, его оружием — слово, и он обратился к нему, чтобы повесть миру правду о величайшей из всех революций». И это «тогда, в 1919-м»? В пору, когда писатель еще явно заблуждался (о своих ошибках он прямо и честно скажет в 1922 году)? Лишь после крутого мировоззренческого перелома — да и то, разумеется, не сразу — смог А. Толстой эту правду о революции сказать в своей трилогии.

И еще одна неточность в

статье Л. Корнешева, связанная с созданием эпопеи: «...Последняя страница трилогии была написана 22 июня 1941 года. Можно только предположить, какие душевные силы требовались писателю, чтобы, уже зная о коварном нападении гитлеровской Германии на его Родину, заставить себя сесть за письменный стол...»

Звучит эффектно, не правда ли? Но в действительности А. Толстой не знал о нападении Германии на нашу страну, весть об этом дошла до него утром, когда труд был окончен.

ВСЕ ТЕ орехи, о которых говорилось выше, содержатся по преимуществу в работах популярного характера. В надежде почерпнуть достоверные сведения о писателе читатель открывает книгу литературоведа В. Петелина «Судьба художника», посвященную А. Толстому и выпущенную издательством «Художественная литература» к столетнему юбилею писателя. Отлично изданная книга внушает почтение хотя бы своим объемом (свыше пятисот страниц).

Но, увы, содержание этого труда мало соответствует внешнему виду. В статье Т. Толстой «Клеем и ножницами» («Вопросы литературы», № 9, 1983) убедительно продемонстрирована странная неразборчивость В. Петелина при использовании чужого материала (мемуаров и текстов самого А. Толстого). Но недостатки книги В. Петелина отнюдь не сводятся только к этому. Здесь допущен целый ряд искажений цитат, фактов, дат. Я мог бы

составить обширный перечень подобных примеров, но стоит ли утомлять читателя? Ведь необходим обстоятельный анализ концепции книги в целом: с моей точки зрения, здесь многое несостоятельно в научном плане, искажена картина подлинного развития писателя. Надо полагать, разговор об этом состоится и он будет полезен для совершенствования методологических принципов нашего литературоведения. Необходимость подобного разговора велика хотя бы уже потому, что задолго до статьи «Клеем и ножницами» в печати появились восторженные рецензии на книгу «Судьба художника».

КАЗАЛОСЬ БЫ, любой специалист, предпринявший попытку оценить состояние изучения и популяризации творчества писателя в юбилейном году, должен быть озабочен теми отступлениями от истины, о которых шла речь. Но вот мы читаем статью «После юбилея» С. Боровикова («Волга», № 9, 1983) и никакой озабоченности в ней не находим. Что же касается суждений самого Боровикова, то многое, мягко говоря, удивления достойно. Так, всячески преувеличивая значение опубликованных в сборнике «Познание счастья» (издательство «Молодая гвардия», 1981 г.) нескольких статей Алексея Толстого, написанных в годы эмиграции, С. Боровиков умалывает присутствие писателя противоречия, нарушая принцип конкретного историзма.

Уже в статье «Нить Ариад-

ны» он усматривает «будущего автора «Петра Первого» — в той исторической конкретности, с какой видит он путь России» (?!). И это в 1920 году! Завлечение такого рода не имеет с истиной решительно ничего общего: формирование идейно-эстетических принципов, приведших к созданию классического произведения социалистического реализма, еще требовало огромных усилий и времени.

Посмотрим все-таки, какими же конкретными аргументами подтверждает свое широко-вещательное заявление Боровиков. Он цитирует названную статью Алексея Толстого, где содержится «призыв не «верить, что под каждым картоном красноармейца, под каждой заскорузлой рубашкой — грабитель и негодяй» (цитирует, кстати, неточно: у А. Толстого — «мужичищ рубашкой»). Вот оно, казалось бы, признание исторической справедливости борьбы народа за новое! Но цитата обрывается. А дальше Толстой призывает не верить, «что каждый, носящий кокарду белогвардейца, погромщик и реакционер...».

Да, и в эту труднейшую пору сердце писателя болело за Россию, но упования на классический мир были вполне утопическими и иллюзорными. Позднее, весной 1922 года, Алексей Толстой сделает окончательный выбор и станет советским писателем.

...Путь, пройденный Толстым, как известно, был достаточно сложен. Но никто при жизни его, даже люди с самым пылким воображением, не мог представить, какие метаморфозы ждут судьбу художника в юбилейном году.

Вадим БАРАНОВ,
доктор филологических наук
гор. ГОРЬКИЙ